
Г.А. Орлова

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ: ШКОЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЭПОХУ БОЛЬШИХ УТОПИЙ

В статье реформа школьной географии середины 1930-х годов представлена в категориях картографического поворота. Превращение карты в основу учебных курсов, перевод географических знаний в визуальный формат и проявление внимания к картографическим навыкам учащихся автор рассматривает на фоне важнейших символических событий эпохи. Преобразование советской реальности происходит в географическом пространстве, затрагивает природу, но именно благодаря карте обретает свою видимость и убедительность. Это обстоятельство позволяет уточнить статус новой политики в отношении школьной географии: она является производной от политического (в широком смысле) использования географической карты.

Аннотация

В 1930-е годы в СССР был сформулирован заказ на создание новой версии географического знания и уточнение его политического статуса [37. С. 163—186]. Маргинальная дисциплина, не выдержавшая в предыдущее десятилетие конкуренции с природоведением и обществоведением, теперь была обозначена как «основа всей нашей производственной пропаганды»¹ и триумфально возвращена в школу. Событийный контекст советского географического ренессанса — трансконтинентальные перелеты, героическое покорение Арктики, романтика укрощения рек и ветров, выращивание апельсинов за полярным кругом — не оставил сомнений в том, что именно символическое освоение пространства и «социалистическая перестройка природы» потребовали возвращения к географии.

Судя по характеру географической реформы в начальной и средней школе, наибольшей привлекательностью для власти обладали фактура физико-географического знания (так называемая «географическая специфика») и присущие ему способы упорядочивания

---

¹ О преподавании географии в начальной и средней школе // География в школе. 1934. № 1. С. 6.

пространства. От географов, методистов и учителей требовалось восстановить «права карты и природы». О каких правах шла речь? Быть может, о неоспоримом праве географической карты на достоверность интерпретаций и визуальных репрезентаций мира физических объектов, праве на реальность²? Так или иначе, но обновленные и значительно расширенные курсы школьной географии теперь было необходимо буквально выстраивать «вокруг карты», а базовые знания — переводить в визуальный формат.

Интерес власти к географической карте был определенным образом связан с ее особым медиальным статусом — визуализацией невидимого и достоверной репрезентацией пространства вместе со всеми помещенными в него объектами. Человеку сталинской эпохи географическая карта указывала на пространство, где проекты, воплотившие дух советской утопии (пятилетки, «большая стройка», покорение Арктики, «великое преобразование природы»), были реализованы наиболее полно. За объективностью визуального образа, апеллирующего к авторитету науки, различим метод производства и препарирования реальности. Использование визуальных форм и способов получения картографического изображения для натурализации важнейших идеологических конструкций эпохи подтверждает, что этот метод был обнаружен и присвоен властью.

Надо сказать, что советский поворот к карте не был ни мгновенным, ни синхронным. Он артикулировался и осуществлялся в разных дискурсивных системах координат. А значит, невозможно ограничиться анализом одного лишь официального обращения к географии и карте или разбором научной полемики о преимуществе картирования как познавательной стратегии; опрометчиво отдать предпочтение партийным директивам, оставив при этом в стороне газетную картографическую риторику или стратегии производства школьных знаний о карте. И тем не менее именно реформа школьной географии сыграла особую роль в процессе формирования картографической доминанты советской цивилизации. Она стала не только номинальной точкой приложения административных и политических усилий, направленных на производство и навязывание картографической оптики самым широким слоям населения, но и плацдармом новой политики в отношении карты, определившей соотношение видения, знания и власти в 1930—1950-е годы.

В данной статье визуальный поворот в советской школьной географии анализируется сквозь призму взаимосвязи обновленного знания «о пространстве и природе» с советским утопическим проектом.

---

² Эту способность карты к производству реальности Дэнис Вуд описывает как одну из ее важнейших характеристик: «То, что карта, главным образом, может дать нам, - это реальность, реальность, превосходящую возможности нашего зрения... реальность, которую нам не достичь иначе, чем при помощи карты. Мы всегда картографируем невидимое или недостижимое или исчезающее, будущее или прошлое, то, что сейчас не доступно нашим органам чувств и, используя дар карты, мы превращаем все это во что-то, чем оно не является... в реальность» [13. Рр. 4—5].

Нам под ответственность дана
И вся земля, и вся страна,
Страна возможностей гигантских,
Страна просторов океанских,
Страна Семеновых-Тян-Шанских,
Вернадских, Борзовых, Баранских,
Страна Войенковых, Шокальских,
Козловых, Бергов, Пржевальских,
Страна, в которой жить, друзья,
Плохим географом — нельзя.

Ю. Ефимов

О географическом невежестве

Весной — летом 1934 г. лучшие фельетонисты, научные сотрудники Комакадемии и никому не известные рабкоры принялись консолидированно обличать географическое невежество масс и советской элиты. Центральная печать неоднократно сообщала, что не только учащиеся из сельской местности, но и «директора крупных школ, преподаватели, квалифицированные пропагандисты»³, абитуриенты Института красной профессуры не знают географии. Они считают Силезию островом, Вислу — притоком Волги, безуспешно пытаются найти на карте не только Донбасс, но и столицу СССР, а также убеждены в наличии восьми полюсов на земном шаре⁴. Авторы статей высмеивали низкий уровень географических знаний и четко формулировали обязательный для советского человека географический минимум: уметь ориентироваться по карте и корректно употреблять географическую номенклатуру.

Помимо исключительной озабоченности знанием карты во всех этих текстах заметен контраст между серьезностью официальных требований, с одной стороны, и полной географической незаинтересованностью проверяемых — с другой. Всем, кого волна показательной проверки забросила к географической карте, даже самые элементарные познания в географии представляются чем-то избыточным. Эта позиция отражена в фельетоне Николая Кольцова «Слезы у глобуса». Его герои, абитуриенты Всесоюзной академии железнодорожников, во время вступительного экзамена по географии ищут Японию на Филиппинских островах и при этом оправдываются: «Вы нас спрашиваете, как будто мы члены Академии наук...»⁵. Что позволяло железнодорожникам делегировать академиком эти скромные навыки работы с картой? Полная неосведомленность или, напротив, хорошее знакомство с образовательным стандартом, в котором географические знания (а точнее, знание карты) имели маргинальный статус?

В ходе работы с материалами кампании по борьбе с географической неграмотностью создается впечатление, что для Кольцова и

³ История с географией // Комсомольская правда. 1934. № 204.

⁴ Происхождение «неудов» // Комсомольская правда. 1934. № 121.

⁵ Слезы у глобуса // Правда. 1934. 28 марта.

других авторов важно было не столько указать на тех, кто беспомощен у карты и слаб в географии, сколько выявить принципиальную неэффективность существующей системы производства географических знаний. Например, провал на экзамене школьников Костромского района Ивановской промышленной области описывается как следствие отсутствия в школе карт и качественных учебников⁶. Одновременно утверждается приоритетное значение визуальных режимов и географической наглядности. Этот тезис уже на примере абитуриентов подкрепляется авторитетным мнением преподавателя Комакадемии, Л. Зимана: «Изучить географию без карты нельзя». Будущий директор Института Большого советского атласа мира не только проверяет скудные географические познания советского актива, но и поднимает вопрос о географическом ликбезе тех социальных групп, которые должны, с точки зрения власти, знать географию. Зиман одобряет организацию кружков по экономической географии на заводах и настаивает на обязательном использовании карт пропагандистами и самой широкой аудиторией [19].

В обстоятельствах, принципиально не рассчитанных на трансляцию и воспроизводство географических знаний, их проверка приобретает новое качество: она позволяет реструктурировать образовательное поле, позиционировать географическую карту как доминанту географического образования, включить географические знания в обязательный образовательный минимум. Декларируя новую политику в отношении географии, участники пропагандистской кампании 1934 г., говорящие на языке власти, предлагают ретроактивный стандарт поведения всем участникам коммуникации — действовать так, словно география и знание карты уже давно являются областью официальных интересов и сферой приложения массовых усилий.

Тем не менее еще за несколько лет до начала борьбы с географической неграмотностью дискурсивный статус географических знаний был слабо определен, а навыки работы с картой вообще не подлежали нормализации. В 1926 г. И. Лебедев, автор популярной брошюры «Что такое карта?», обращался к читателю в расчете на его полную неискушенность: «Очень часто в книгах, а иногда в газетах и журналах при описании какого-либо события для пояснения написанного помещаются особые рисунки-чертежи, которые называются «географическими картами» [30].

Красноречивым свидетельством легализованного незнания карты был так называемый «Ключ к географической карте», приводимый А. Виленкиным в пособии для агитаторов и избачей. «Ключ» позволял

---

⁶ «Нет карты. Ни простой физической карты, ни карты полушарий. Всю мудрость географии ученики школы колхоза «Передовик» постигают, рассматривая маленький затрепанный глобус. С огромным любопытством спрашивают они свою учительницу о далеких горах, морях и народах. Но очень часто старенький глобус остается немым. Он слишком мал... Но не только школа виновата. У школы нет карт. На политической карте полушарий на весь класс сияет марка «Санкт-Петербург. 1908». Новые карты Госкартотреста неразборчиво слепы. И грехи уroda-учебника налицо» (Происхождение неудов. На испытаниях в Некрасовский средней школе // Комсомольская правда. 1934. № 121).

советскому активисту выяснить, «в какой части света и в какой стране ему следует искать упомянутый в газете город» [10]. С его помощью можно было узнать о том, что Мадрид — это столица Испании, Европа; Китай — республика, Юго-Восточная Азия; Камчатка — полуостров СССР на крайнем востоке Северной Азии. Если в 1934 г. Зиман рассчитывал на способность актива ориентироваться по карте и требовал от него этих навыков, то Виленкин адресовался к избачу, в принципе не умеющему работать с картой. А потому автор предлагал своему читателю заранее освоить незнакомое пространство: «Для того чтобы при чтении не терять время на разыскивание по карте нужной страны или города, чтец, конечно, предварительно должен разыскать их сам и хорошенько уяснить их расположение и даже, если сам он в карте не тверд, сделать себе заметки на листе бумаги или еще лучше обозначить на карте нужные города булавками с маленькими кусочками цветной бумаги или обвести вдоль наколотых булавок тесемкой страны» [10].

Конечно, сельские избачи 1920-х годов — это довольно специфичная с точки зрения уровня грамотности аудитория. И все же в предназначенных ей рекомендациях можно различить общую установку в отношении географии: познания в этой области и умение обращаться с картой рассматривались как сугубо факультативные, а требования к повышению уровня географического образования масс отсутствовали. Равнодушие к географии особенно заметно на фоне острого интереса к политэкономии и обществоведению. Знакомство с азами этих наук было включено в обязательный минимум постреволюционной эпохи, а старорежимная география была из него исключена.

Официально это исключение состоялось в 1924 г., когда в ходе авангардных преобразований советской школы география как самостоятельная дисциплина была изъята из учебных планов, а географические сведения по необходимости вводились в курсы природоведения или обществоведения [28; 3]. Известный советский методист В.П. Буданов, например, отмечает, что на всей территории Украины география в те годы была переименована в краеведение [8]. И хотя уже в 1927 г. появляются новые программы, географии, а в особенности физической географии, отводится в них более чем скромное место.

По мере перехода от утопического конструирования 1920-х годов к утверждению реальности осуществленной мечты, на волне первых пятилеток и интереса к символическим стратегиям освоения пространства отношение к географии меняется. К середине десятилетия советский субъект конституируется посредством картографически опосредованного взгляда⁷, а интерес к географии описывается как

---

⁷ Возможность видеть всю страну сразу, предоставляемая картой, описывается в категориях советской идентичности с обязательной ссылкой на слова М. Горького: «Человек в наши дни должен быть (и становится) настолько большим, чтобы видеть всю страну, чтобы жить жизнью всего нашего необъятного Союза». Цит. по: Михайлов Н. Твоя Родина. М., 1950. С. 9.

отличительная черта нового строя: «Для помещиков география страны исчерпывалась их наследственными поместьями. География, по мнению помещицы Простаковой, была наукой по преимуществу извозчицей»⁸. В 1932—1933 гг. географы и картографы формулируют проблему нехватки карт⁹, а всякого советского человека начинают рассматривать в качестве потенциального потребителя картографической продукции. Академик Шокальский пишет в 1933 г.: «Карта — это такая вещь, которая нужна всем — ученому и колхознику, государственному деятелю и домашней хозяйке»¹⁰.

Актуальные для 1930-х годов дискурсивные стратегии — описание результатов реализации советского проекта в категориях «новой географии»¹¹ и картографическое замещение/симуляция преобразованной советской реальности — способствуют генерализации потребности в карте. Уже 7 ноября 1930 г. газета «Правда» словами вождя призывает всех советских людей посмотреть на карту, чтобы увидеть, как «пяtilетка перекроила лицо страны»¹², а четыре года спустя А. Курский по уже отработанной схеме описывает будущие успехи индустриализации сквозь призму картографии: «Во второй пяtilетке нам предстоит на основе громадной строительной программы завершить создание новой экономической карты СССР» [29].

Завоевание Арктики также работает на пробуждение советского географического воображения¹³. Примечательно, что географическая кампания 1934 г. стартует на фоне успешного завершения челюскинской эпопеи¹⁴. Освещение хода спасательной экспедиции стало беспрецедентным для советской печати тех лет опытом трехмесячного картографического сопровождения символического события, активного обращения к географической терминологии, номенклатуре, специфике, без знания которых сложно было оценить и масштаб происходящего, и меру советской героики. Географический язык на время спасательной операции превратился в официальный язык власти¹⁵, а карта, к которой «надолго было приковано

⁸ Наша страна. 1937. № 1. С. 5. Журнал «Наша страна» выходит с 1937 г., специально «знакомит с природой, богатствами и социалистическим строительством СССР».

⁹ Так, например, ведущий специалист Госкартотреста М.А. Цветков указывает на то, что при колоссальном спросе на карты «не только купить готовые нельзя, нельзя и напечатать подготовленные материалы» [48].

¹⁰ Цит. по: *Виноградов Н.В.* Карты и атласы. М.-Л., 1941. С. 5.

¹¹ Например, Виктор Шкловский писал: «Удачу нашей страны создали большевики, создал Сталин. Они изменили нашу географию, нашу историю и биографии наших людей» [49].

¹² Мы вступили в период социализма // *Правда*. 1930. № 309.

¹³ О покорении Арктики как ключевом элементе сталинской пропаганды и культуры 1930-х см.: [31].

¹⁴ Сразу же после окончания спасательной экспедиции журнал «География в школе» публикует статью о ее значении для изучения географии: «Надо горячо приветствовать то, что наша печать стала внедрять их (карты. — Г.О.) в помещаемые ею статьи. Это приучает и взрослых, а тем более ребят прикреплять определенные сведения к определенным точкам» [41].

¹⁵ Характерен подчеркнuto метеорологический спич тов. Куйбышева, председателя правительственной комиссии по оказанию помощи челюскинцам: «Метеорологические условия Уэллена отличаются от условий в районах, расположенных к западу. Так, в то время как Уэллен находится под влиянием циклонов, проходящих между Аляской и Камчаткой, район мыс Северный — мыс Ванкарем более подвержен влиянию высоко-го давления (сибирский антициклон), что обеспечивает более спокойную и постоянную погоду в этих местах» (*Правда*. 1934. 14 марта).

внимание множества людей нашей страны, объединенных в едином порыве», буквально должна была стать медиальным механизмом для консолидации воображаемого сообщества.

Тем не менее массовая аудитория, должно быть, испытывала серьезные затруднения при обращении с картой, что и выявила показательная проверка. Но куда в большей степени эта кампания показала следующее: требования к географическим познаниям советского человека возрастают по мере того, как власть начинает говорить на языке географических фактов. Изменения в образовательной политике последовали за политическим открытием географии и карты.

Кампания по борьбе с географической неграмотностью стартовала в конце марта 1934 г., а 17 мая произошло знаковое для советской географии событие: вступило в силу постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании географии в начальной и средней школе». Надо сказать, что оно было далеко не первым проявлением внимания власти к положению дел в географическом образовании. В сентябре 1931 г. было опубликовано первое из серии постановлений — включающее географию в число обязательных предметов, по которым поступающие в вузы должны держать испытания. Следующее постановление появилось в августе 1932 г. Оно содержало критику в адрес учебных программ и требовало от учащихся знания карты, а в особенности знания карты СССР. Но именно постановление 1934 г. было воспринято географическим и педагогическим сообществами как поворотная веха не только в преподавании географии, но и в советской географической политике в целом. До конца десятилетия отмечались его годовщины, а позднее — круглые даты. Учебные пособия по географии, составленные в соответствии с требованиями постановления, выдержали более двадцати изданий и на ближайшие тридцать лет определили канон преподавания этой дисциплины в Советском Союзе.

И все же почему именно постановление 1934 г. вызвало такой резонанс? Предварительно можно указать на серию обстоятельств, способствующих превращению этого документа в дискурсивное событие исключительной важности. Во-первых, вместе с аналогичным постановлением о преподавании истории оно отражало интерес власти к возможностям использования учебных дисциплин для конструирования советской реальности и идентичности. А этот процесс значительно интенсифицировался после прогноза 1932 г. о гарантированной победе социализма в СССР.

Во-вторых, эффективность использования географии для выявления и визуального определения советской реальности к 1934 г. стала очевидна, а разрыв между активным обращением к географическим фактам / картографическим образам в советской пропаганде и низким уровнем географической просвещенности масс осознан. Вероятно, было бы некорректно утверждать, что одно лишь обилие картографических репрезентаций советского в журнале «СССР на стройке», тиражирование карт первых пятилеток или челюскинская

«Решительно повернуть в сторону географии»

эпопея запустили процесс реформирования (школьной) географии и определили ее формат. Но медиальная форма географической карты была обнаружена и политически освоена именно в этих дискурсивных практиках. Здесь же, т.е. изначально за пределами образовательного дискурса, были артикулированы и будущие приоритеты обновленного географического знания: картографическая доминанта и особое внимание к теме покорения Севера¹⁶. В этом контексте постановление кажется эффективным медиатором между пропагандой и образованием.

В-третьих, постановление, хоть оно и не содержало персональной критики, было воспринято как сигнал к началу борьбы между группировками и научными школами в советской географии или же использовалось представителями профессионального сообщества в качестве дискурсивного оружия. Ответственность за невнимание к географии была возложена на «леваков». Эта стигматизация привела к их исключению сначала из географического, а позднее и из советского дискурса¹⁷. Процедура исключения оказала решающее структурирующее влияние на географическое знание в СССР¹⁸, став одним из механизмов его интеграции в советский символический порядок.

Наконец, в постановлении 1934 г. видели, и это обстоятельство в наибольшей степени подчеркивалось современниками, полноценную программу реабилитации географического знания. «География была цепко утверждена, а в географии было утверждено географическое направление с картой, природой и географической спецификой»¹⁹, — писал три года спустя в редакторской статье журнал «География в школе», главный рупор обновленной географии. Действительно, в майском постановлении базовая отрасль географических знаний — физическая география впервые за советский период заметно потеснила географию экономическую. Усиление физической

---

¹⁶ Включение информации о покорении Арктики большевиками во все без исключения учебники и методические пособия по географии стало обязательным после 1934 г., как и отображение советской северной эпопеи на учебных картах. Показателен комментарий издательства к учебному пособию Семенова-Тян-Шанского «Суша и моря СССР» [42], где среди прочих недостатков указывается, что «автор недостаточно осветил работы по исследованию советской территории, в частности Арктики».

¹⁷ В 1937 г. инаковость географических «леваков» была радикализована и описана как проявление антисоветской сущности: «Взамен физической географии с ее спецификой и знанием пространственного элемента «леваки, маскируясь фразой, предлагали экономическую географию, которая, в их представлении, превращалась в заучивание схем и социологических обобщений... В основе всех этих «теорий» скрывалось антисоветское острие, была попытка обезоружить советское юношество — будущего строителя коммунистического общества, отбить у молодежи вкус и желание к ознакомлению со своим краем, своей родиной» (Отлично знать географию // Правда. 1937. 10 сент.).

¹⁸ В текстах, написанных по горячим следам, и в мемуарах борьба с «леваками» становится важнейшим идентификационным ресурсом для определения советского географа: «В глазах студентов 50-х гг. Н.Н. Баранский был личностью почти легендарной. Организатор революционных ячеек в Сибири, встретившийся с Лениным в Таммерфосе, успешно разгромивший в 30-х гг. «леваков» в географии (студентам было не очень ясно, что это такое, но тогда привыкли мыслить штампами)...» [38]. На уровне персонального опыта, как и на уровне географического дискурса в целом, «леваки» выполняют одну и ту же функцию — позволяют выявить сущность человека и/или практики производства знания, определив их положение относительно «советского».

¹⁹ География в школе. 1937. № 3. С. 1.

географии (теперь советским школьникам предстоит изучать ее с 3-го по 7-й класс) особенно заметно на фоне старых учебных программ, по которым еще в 1932 г. весь курс физической географии осваивался за год, в 5-м классе. В преподавании географии в 3—7-х классах постановление требует «обеспечить закрепление в памяти учащихся основных географических названий и прочное знание географической карты», «ограничиться физической географией», «сосредоточиться на физико-географическом обзоре», «решительно упростить и разгрузить материал от экономических и статистических подробностей»²⁰. И только в восьмом и девятом классах переходить к изучению размещения хозяйства в пространстве. Программа реформирования географии была задумана с размахом: помимо подготовки новых учебников, существенного увеличения часов на преподавание этой дисциплины²¹, было решено выпускать профильный журнал для учителей географии, активизировать выпуск карт, наглядных пособий и начать массовое издание популярной географической литературы.

В каком направлении должна была реформироваться география? С точки зрения власти, в 1934 г. ей явно недоставало интереса к карте и хороших учебников. Те, что имелись в наличии, подвергались критике за «сухость изложения», «недостаточность физико-географического материала», «перегрузку... статистически-экономическим материалом и общими схемами»²². Согласно обзору литературы по географии, вышедшему все в том же 1934 г., абсолютно все имеющиеся в наличии пособия были плохи. Они различались лишь видом дефекта, который и был положен в основание классификации: работы идеологически чуждых группировок; книги, бедные фактическим материалом и не представляющие научной ценности; книги, содержащие значительное количество ошибок, но представляющие значительную научную ценность; книги, продвижение которых приостановлено постановлениями коллегии Наркомпроса [11].

Главным объектом политической заботы стали ликвидация в учебных курсах дефицита так называемой «географической специфики» и переопределение географии как «науки о карте и природе»²³. Главный редактор журнала «География в школе» и один из инициаторов советского поворота к картографии именно в карте видел средоточие географической специфики: «Опасность расплыться и потерять свое лицо была все время главной опасностью, которая угрожала географии. И главной гарантией перед этой опасностью была и остается карта. Карта представляет собой совершенно наглядный

²⁰ Постановление «О преподавании географии в начальной и средней школе» // Правда. 1934. 16 мая.

²¹ Например, в 7-х и 8-х классах было предложено увеличить количество часов на географию с 40 до 80, что аргументировалось, в частности, размерами страны: «Не можем мы в этом отношении ориентироваться на западноевропейские страны с их карликовыми по сравнению с СССР размерами» (География в школе. 1934. № 1. С. 6).

²² Постановление «О преподавании географии в начальной и средней школе» // Правда. 1934. 6 мая.

²³ О преподавании географии в начальной и средней школе // География в школе. 1934. № 1. С. 5.

и осязаемый критерий того, что является «географическим», того, что относится к географии. Конечно, не все то, что может быть нанесено на карту, может и должно быть объектом научного географического рассмотрения, но зато все то, что на карту не помещается, заведомо негеографично» [5]. И карта, и природа, наглядно представленная в географических картинах, фотографиях, фильмах, таблицах, макетах, столь внезапно понадобившихся советской школе в середине 30-х, обретают особое значение на фоне обостренного интереса к пространству и формам его освоения.

Соответственно «повернуть в сторону географии» означало «избавиться, наконец, от географического невежества» и освободиться от живучих «антигеографических тенденций». Именно так были охарактеризованы новации предыдущих лет, и прежде всего экспериментальный учебник экономической географии с «рассмотрением стран не по частям света, а по делению Коминтерна»²⁴, выпущенный в начале 1931 г. группой ленинградских аспирантов. «Антигеографические тенденции», которые назывались еще «беспространственной географией», выражались в доминировании экономики, социологических обобщений и истории над собственно географическими фактами, темами, интерпретациями и образами, когда «карта была задвинута на самый дальний план», а «о природе, если и поминалось, то только вполголоса и иносказательно» [3].

Примечательно, что в самом постановлении содержалось лишь одно упоминание о карте: прочных знаний карты партия и правительство требовали от учащихся начальной школы. Однако именно «упор на карту» советские географы и педагоги восприняли как «основную директиву ЦК по преподаванию географии»²⁵. Эта интерпретативная установка привела к существенной реорганизации учебного материала в пользу его визуальных репрезентаций, превратила работу с картой в каркас методики преподавания географии («карта есть альфа и омега географии»²⁶) и позволила назвать географию учебным предметом, в наибольшей степени нуждающимся в наглядности [3]. Поворот от текстоцентричности и статистики к наглядности, от экономической географии — к физической поставил перед советскими методистами ряд неожиданных проблем: от формирования перцептивных навыков, позволяющих учащемуся, скажем, совмещать физико-географический образ и обществоведческие схемы [39], до картографической эстетики.

«Пространственная форма знания»

Преимущество карты перед текстом в географическом образовании школьника выводилось из структурного сходства картографической репрезентации и территории: «Никакое, даже самое подробное, описание не может дать того пространственного представления о размещении предметов и явлений на земле, какое дает

---

²⁴ Чему обязывает постановление «О преподавании географии в школе» // География в школе. 1934. № 2. С. 6.

²⁵ Упор на карту — основная директива ЦК по преподаванию географии // География в школе. 1934. № 1. С. 10.

²⁶ Там же.

географическая карта» [18]. Сама карта при этом рассматривалась как «место», на которое наносят политику и экономику [3]. От школьников и учителей ждали, что они будут регулярно отмечать на специальных дежурных картах все актуальные события²⁷, т.е. «оживлять карту» при помощи дополнительных символов, флажков, звезд или фотографий (например, фотопортретов стахановцев и полярных летчиков). Картографический дисплей, таким образом, не только репрезентировал физическое пространство, но и сам становился пространством, в котором происходят постоянные видимые изменения²⁸. Трудно переоценить то обстоятельство, что объекты, размещенные на карте, обретали статус реально существующих. Этот прием, в частности, использовался в картах пятилеток (они были рекомендованы к включению в школьные учебники), где принципиальное различие между действующими, строящимися и запланированными объектами было снято уже в силу самого факта картографирования.

Под воздействием формирующейся картографической доминанты были уточнены стратегии географического познания и определен его алгоритм. Теперь, чтобы дать географическую интерпретацию явления, его требовалось нанести на карту. Затем нужно было выявить пространственную закономерность размещения этого явления²⁹. В дискурс о карте все чаще начинают включаться истории о кабинетных географических открытиях, сделанных при помощи карты. То обнаружат неизвестный ранее остров, то в процессе картографической генерализации выяснится, что горные хребты образуют единую цепь [17]. За картой официально закрепляется статус полноценного метода географического познания. Она переводит знания в убедительный визуальный формат, совмещая схему и образ, тем самым позволяя овладеть объектом посредством его изображения/обзора.

В этих обстоятельствах географические знания и навыки советского школьника определялись умением обращаться с картой: он должен был знать географическую номенклатуру и уметь показать на карте до четырехсот объектов, помещать в картографически обустроенное пространство самые разные факты, расшифровывать

²⁷ Еще в 1924 г. Л. Троцкий отмечал особое значение карты в восприятии политически значимой информации: «Ибо телеграмма эта, с показом на карте, сядет уже в мозг совсем иначе, прочнее, увереннее...» [45]. Насыщение абстрактной политической информации конкретикой чувственного образа мыслится вождем революции как возвращение ей пространственных характеристик, данных в картографическом опосредовании.

²⁸ Стремление размыть границу между картографическим и физическим пространствами особенно заметно в опытах с «картами на местности». Одна из них была устроена в городском саду одного из районных центров Удмуртии. Ее по квадратам перенесли со стенной карты школьники и учащиеся техникума. На карте СССР, площадь которой составила около семидесяти квадратных метров, были высажены растения, произрастающие в разных частях Союза, забетонированы и залиты водой участки, обозначающие моря и реки. Педагог, инициатор проекта, пишет в журнал о многофункциональности карты, симулирующей реальность: «Здесь можно построить рельеф, разместить промышленность, пути сообщения... Мы же остановились на культурных растениях СССР. На отдельных участках в соответствии с действительностью мы разместили рожь, лен, хлопок, пшеницу, свеклу — всего около 20 культур. Тундру и тайгу мы одели ветками и мхом. Заграничные страны остались под дерном. Теперь, в августе, у нас взойшли все культуры, и карта ожила» [22. С. 71—72].

²⁹ Упор на карту — основная директива ЦК по преподаванию географии // География в школе. 1934. № 1. С. 13.

символы и добывать при помощи карты необходимые сведения [14]. Но главное — от учащегося требовалась легкость конвертации пространства из географического в физическое и обратно. Этот тезис формулировался в категориях зрения («Знать карту — значит уметь за мертвыми символами видеть живую, подлинную страну» [8. С. 58]) или же переноса («Нужно добиться умения «переносить» пространство с местности на карту и обратно» [43. С. 63]).

Многочисленный «перенос» пространства обеспечивал его эквивалентность в разных системах координат и облегчал последующие манипуляции с ним. Эти манипуляции строились на реструктурировании оптико-идеологических отношений между объектами в системе координат «видимое—невидимое». От зрителя требовалось увидеть то, чего на ней нет, но что может быть выведено из тени невидимого на основе имеющихся знаний и при умелом посредничестве карты. Так, О. Хавкин писал: «Нам нужно... увидеть за этими черными точками огни заводов, услышать шум улиц и площадей... увидеть за синими ленточками рек пароходы со льном и зерном, новее ГЭС, плотины, судоверфи» [46]. Соответственно у изучающего географию должен был быть выработан особый перцептивный навык — умение видеть при помощи карты. А координация картографического видения становилась делом политическим.

При помощи карты следовало видеть различие миров социализма и капитализма, скорость, масштаб и качество изменений советской цивилизации и конечно же географическое первенство СССР. В учебниках, заданиях к контурным картам и методических рекомендациях для учителей предлагаются различные способы выявления соотношения территории Советского Союза с другими странами: визуальное сравнение, статистика, картосхемы, диаграммы и даже взвешивание на весах вырезанных по контуру карт СССР и Голландии. Неизменным и заранее известным оставался вывод: «Назовите и покажите на карте самые большие зарубежные страны... Сравните территорию Китая с территорией СССР... Какой вывод из этого можно сделать? (Учащиеся отвечают, что СССР — самая большая страна в мире.)» [21]. Количественное сравнение становилось универсальным способом измерения символической значимости географического объекта, а географическая картина мира обретала иерархичность. Именно с осознания размера СССР, физико-географического факта, включенного в систему координат, определяющих советскую идентичность, начинался школьный курс географии. В рабочей тетради учащимся прежде всего предлагалось обвести границы СССР красным карандашом и вычертить диаграммы площади всей суши СССР и Англии с колониями [15].

Работа с физическими, контурными или так называемыми «слепыми» картами была одной из наиболее часто применяемых форм проверки географических познаний.

Н. Баранский отмечал: «Умение показать страну или область на физической карте — это минимальнейший уровень географического изучения» [2. С. 96]. Школьнику было необходимо усвоить не

только расположение объекта на карте, но и правила его показа: «Острова, полуострова обводить по береговой линии, реки — от истока к устью, горы — по направлению хребтов, озера, моря, океаны, низменности — все пространство, занимаемое этим объектом» [21. С. 103—104]. А учителю ведущие методисты предлагали новый индикатор подготовленности учащегося — стратегии визуального восприятия карты: «Знающий сразу направляет взгляд на определенное место карты, а незнающий бросает из одного места в другое» [8. С. 64].

При всей абстрактности географической карты ее нужно было освоить, обжить, овладеть искусством мгновенной ориентации и перемещения. Двойственность такого овладения пространством заключалась в специфике фокусировки: знаток карты, обозревая пространство в целом, был лишен возможности ознакомиться с ним в деталях, поскольку карты, масштаб которых не превышал 10 км, оставались секретными. А в приграничных местностях бдительным учителям рекомендовалось избегать не только картографирования, но и заданий на составление словесного описания своей местности [16. С. 78]. Контролируемая географическая дальность определяет заведомую условность пространственных образов, которыми оперировал изучающий географию. Обобщенное пространство, воспринимаемое как предметная данность, было открыто для дискурсивных манипуляций и отвечало требованиям утопического проекта, чувствительного к объективациям абстракции в наглядных образах.

Изучать географию по карте предстояло в обстоятельствах тотального картографического дефицита и проблемного состояния советской картографической промышленности. До конца десятилетия «География в школе» продолжает печатать письма читателей о нехватке карт³⁰ и рекомендации для учителей о том, как лучше изготовить недостающую карту или модифицировать имеющиеся в наличии картографические материалы³¹, а рост тиражей учебных карт и школьных атласов находится на особом контроле власти. Стремительный рост показателей должен был продемонстрировать улучшение положения, вызванное реализацией новой политики в отношении географии и картографии, и прежде всего централизацией картографической деятельности в 1931—1933 гг. [40]. Так, если в 1935 г. общий объем картографической продукции составил 395 000 экземпляров, то на следующий год — уже 3 247 000 [6. С. 35]. При этом существенно изменяются картографические квоты: к середине 1930-х на первое место по объему тиражей выходят учебные карты и атласы (внутри этой категории значительно возрастает тираж физических карт), на второе — справочные карты общего пользования и только на третье — топографические карты [26].

Форма карты

³⁰ Например: «Наш Верхнеудинский район Восточно-Сибирского края имеет только две карты — СССР и полушария, и те — немые...» (Из писем читателей // География в школе. 1935. № 2. С. 63.

³¹ «За отсутствием подходящей карты своей области (а таких у нас пока мало) можно склеить ее из листов десятиверстки, нанося отчетливо областную границу, ярко выделив областной центр» [2. С. 97].

Неудовлетворительным признавалось не только количество карт для школы, но и их качество. В обстоятельствах, когда между знанием страны и знанием карты были установлены отношения эквивалентности, качество географических знаний ставилось в прямую зависимость от эффективности картографической визуализации. Может быть, наиболее четко эту позицию сформулировал академик Л.С. Берг: «Чтобы знать свой дом, свою страну, надо прежде всего иметь хорошее ее изображение на карте»³². О том, что полагалось считать «хорошим изображением», можно судить по комплексу требований к учебной карте, сформированному в ходе реформ³³. К концу 1930-х годов он уже отточен до нормативной формулы: «Условные обозначения для учебных карт должны отличаться особой выразительностью, простотой и наглядностью по сравнению с обозначениями неучебных карт... Линии контуров и отдельных знаков на карте следует значительно утолщать, тона давать конкретнее и ярче» [5а. С. 15].

В качестве одного из важнейших критериев оценки учебной карты выступала наглядность, или эффективность визуализации. Наглядной картой считалась та, визуальная форма которой позволяла быстро, а главное, произвольно формировать суждение о картографируемом объекте и его основных характеристиках [36. С. 4]. Особое значение придавалось цвету. Характер рекомендаций по его использованию указывает, что при помощи цвета картографируемые факты намеренно помещались в поляризованную и аксиологически насыщенную систему координат: «Явления положительного порядка должны представляться теплыми тонами, отрицательного — холодными, причем степень положительности (отрицательности) явлений должна соответствовать степени тепла (холода) тона... Так, например, при составлении карты древесной растительности теплыми тонами следует выделить наиболее ценные породы, холодными — участки угнетенного и перезрелого леса» [36. С. 13].

Интересно, что рост символического статуса карты в советском дискурсе соотносим с усилением интенсивности ее раскраски. Уже к середине 1930-х годов карты с недостаточно интенсивной раскраской и слабой проработкой контуров выбраковываются как «анемичные» и «невыразительные» [24. С. 14]. Отзывы посетителей выставки учебных карт, проходившей в 1938 г. в Ленинграде, свидетельствуют о сохранении этой динамики: «По сравнению новых карт

---

³² Цит. по: *Богоявленский Г.П.* Как изменилась карта нашей Родины за годы советской власти. На правах рукописи. Материал для лекторов. М., 1957.

³³ На необходимости выявления, дифференциации и анализа правил производства карт настаивал мэтр культурной картографии Дж. Харлей. Он утверждал, что в основании западной картографии начиная с XVII в. лежат эксплицированные технические правила, изложенные в практических руководствах, и правила культурного производства, обусловленные контекстом и конвенциями. Они слабее артикулированы и составляют скрытую часть картографического дискурса. Для их выявления «мы должны читать между строками технических процедур или топографических содержаний», что позволит описать картографию в системе отношений «знание—власть и учесть инструментальное использование карт для установления господства над пространством» [47. P.153—154, 156, 158].

со старыми старые (1936—1937) на фоне новых кажутся бледными, неразборчивыми, а заграничные карты — грязными, неопрятными»³⁴.

По мере того, как происходит политическое освоение картографической формы, уже далеко не все значимые семиотические отношения находят отражение в легенде. Возможность их обнаружить и расшифровать зависит не только от визуальной, но и от политической грамотности наблюдателя. Так, к середине 1930-х годов расхожим визуальным клише становится схематичное изображение красного пятна Страны Советов на сером фоне капиталистического окружения — визуализация тезиса о возможности построения социализма в отдельно взятой стране и указание на исключительный политико-онтологический статус первого в мире государства рабочих и крестьян. Полноценная, с точки зрения власти, географическая карта должна решить аналогичную риторическую задачу, что и достигается за счет выбора проекции, манипуляций с цветом и тоном раскраски территории СССР на политической карте³⁵.

Так, в 1935 г. Н. Горяев (начальник Государственного управления геодезической съемки и картографии НКВД СССР) отказывается утвердить представленную ему карту мира из-за неочевидности советского первенства: «Возвращаю с благодарностью рекомендуемую Вами карту мира. Карта мне не нравится, т.к. на ней СССР показан сжатым и его доминирующее положение на материке затушевано»³⁶. Несколько лет спустя студент второго курса геофака, напротив, оказывается не в состоянии по достоинству оценить выполнение картографами политического заказа. Он проводит избыточное для советского дискурса различие между учебной и пропагандистской картой, а потому критикует использование картографической формы для визуализации и натурализации идеологических содержаний: «Слишком яркая раскраска СССР на политической карте Европы, где площадь СССР буквально ослепляет и затрудняет осмотр меньших стран, что для процесса изучения является недостатком. Следовало бы цвет несколько ослабить и устранить тяжесть красного цвета»³⁷. В самом деле, СССР на советских политических картах никогда не был столь агрессивно выкрашен, как в конце 1930-х годов.

Мир, каким он представлен на школьной карте, должен был быть простым, ясным и упорядоченным. Те же принципы обустройства пространства В. Каганский обнаруживает и в текстуре советского ландшафта: «Его данность (визуальная и вещественная) должна сама собою повествовать об успехах, преодолениях, свершениях... Пространство устроено с простотой и убедительностью

³⁴ ГАЭ. Ф. 8223. О.1. Ед. 602. Л. 5.

³⁵ Марк Монмоньер, размышляя о неизбежности сознательных картографических искажений, превращающих карту в риторическое средство, пишет: «Сознательное искажение содержания карт в политических целях можно наблюдать на протяжении всей истории картирования, а картографы никогда не были независимыми художниками, ремесленниками или мастерами... За фасадом процесса картографического производства можно различить сеть отношений власти...» [35. Р. 7].

³⁶ ГАЭ. Ф. 8223. О.1. Ед. 583. Л. 217.

³⁷ ГАЭ. Ф. 8224. О.1. Ед. 602. Л. 15.

газетного рапорта» [20. С. 138]. В учебной картографии эта задача решается в ходе решительной генерализации, о необходимости и стратегиях которой писал один из видных советских методистов: «Жертвовать правильностью картографического изображения ради ясности... отдельные предметы, на которых сосредотачивается внимание, должны быть легко обозримы... Эти главные предметы не должны заслоняться подробностями, мелкими предметами, но должны выделяться среди них... Учебная карта должна быть генерализована (т.е. освобождена от ненужных деталей)... Береговая линия должна быть утолщена... Границы государств также должны быть совершенно видны» [8. С. 62]. Обобщение и отбор характеристик, составлявшие суть генерализации, позволяли перевести знания в визуальный формат. Категоризация географических фактов и процедура их упорядочивания оставались невидимыми для массовой аудитории, скрываясь за достоверностью и целостностью картографического изображения.

Генерализация, жертвовавшая «правильностью ради ясности», воспроизводила, выявляла и навязывала иерархический принцип структурирования пространства: главное на карте должно было быть выделено, а второстепенное — завуалировано [23. С. 19]. Пунсоны населенных пунктов, внешние и внутренние границы, дороги, рельеф, объекты особой символической важности — все должно было быть изображено «в порядке значимости» [25] этих географических объектов. Об особой логике генерализации свидетельствует мелкомасштабная карта СССР, на которой вопреки всякой размерности следовало изображать границу на Командорах, у м. Лопатка и на о. Сахалин. Поправка на символический объект должна была делаться не только профессиональными картографами, но и школьниками, воспроизводящими схематичную карту страны по памяти или обводящими страну по контуру на контурных картах. Те, кто не обводил м. Лопатка, допускали ошибку [1. С. 70]. Нарушения соотношения визуальной и онтологической иерархии не допускалось. Так, Н. Баранский критиковал экономическую карту Кировской области за «нескромность» границ административных районов. Особо оговаривались правила визуализации и соотношения географических и политических «чинов» картографируемых объектов. В качестве недостатка отмечался тот факт, что «пунсоны городов различаются только по чину, а не по числу жителей, что для экономических карт заведомо неправильно. Чин надо показывать видом (но не размерами) шрифта или подчеркивать названия, но не величиной пунсона» [4. С. 42]. Карты, в которых иерархический ряд картографируемых объектов не был выражен, критиковались за «удручающую монотонность» и сложности чтения³⁸, а по сути за несоответствие структуре и символическому порядку советского пространства.

---

³⁸ «Карты, в которых все элементы содержания, и главные, и второстепенные, и незначительные подробно, говорят одновременно, не слушая друг друга, превращаются в какой-то степени в вещь в себе» [24. С. 15].

Стенные школьные карты 1930—1950-х годов были генерализованы в исключительной, непривычной для современного глаза степени. Визуальная бедность, ограниченное количество элементов, контрастность образа и его жесткая дифференцированность позволяют говорить о наличии жесткого контроля, устанавливаемого посредством такой карты над картографируемой реальностью и режимами ее восприятия. Достаточно точно образ этой обобщенной до сети важнейших символических объектов карты описал Н. Михайлов: «На стене висит карта. Подойдем к ней, как к распахнутому окну: сквозь легкую градусную сеть видна страна... Красная звездочка Москвы, ветвистое дерево Волги, уральские складки, серпик Байкала...»³⁹.

Советские картографы претендовали на открытие научных основ генерализации⁴⁰, позволяющих установить точное соотношение между знанием и видением, абстрактной схемой и конкретикой визуального образа. Власть неслучайно рассматривала обобщение как сильное политическое действие, требуя от мастеров искусств, инженеров человеческих душ и работников умственного труда типического отображения реальности. Внутри советского картографического дискурса прослеживалась связь между специальной процедурой получения картографического изображения, генерализацией и типическим в широком значении. А потому в работах, посвященных генерализации, появляются ссылки на высказывания Маленкова на XIX съезде партии: «Типическое есть основная форма проявления партийности в реалистическом искусстве. Проблема типического есть всегда проблема политического»⁴¹.

Знание того, что «от удачной и художественной внешности карты зависит восприятие ее содержания» [46. С. 6], в не меньшей степени предопределило стратегии работы над картой. Конкурсы на «лучшее красочное оформление физической карты» проводились регулярно с 1934 г. Серьезная эстетическая озабоченность составила ядро полемики о «выразительности» и «художественности» учебных пособий и карт, развернувшейся в 1934—1936 гг.⁴² Стартовой

³⁹ Книга Н. Михайлова «Над картой Родины» (М., 1950) как вершина популяризации карты СССР и мастерское введение в политическую работу географической карты была оценена высоко, выдержала несколько переизданий, а ее автор был отмечен Сталинской премией.

⁴⁰ Эта позиция противопоставлялась точке зрения зарубежных географов (например, М. Эккерта), полагавших, что «найти и установить закон... генерализации — очень нелегко и попытки в этом направлении на дают положительных результатов». Цит. по: Сухов В.И. О теоретических основах картографической генерализации // Сборник статей по картографии. Вып. 4. 1953. С. 18.

⁴¹ Цит. по: Сухов В.И. О теоретических основах картографической генерализации // Сборник статей по картографии. Вып. 4. 1953. С. 13.

⁴² Стратегии решения художественных задач в учебной картографии в точности воспроизводили логику политического структурирования любой эстетической практики 1930-х годов: требовалось найти зыбкий путь реализма между Сциллой формализма и Харибдой натурализма. Так, сотрудник ГИГик, П.А. Скворцов, критикуя коллег за «мейерхольдовщину в картографии», добивался сходства карты с натурой. Манифест «художественного реализма» требовал переноса принципов пейзажной живописи в картографию: «Максимально возможное подобие рисунка рельефа, лесного покрова с их естественными формами при изображении их сверху или в полуперспективе, отображение природных световых эффектов (иллюзия солнечной освещенности,

Картографический оптимизм и его пределы

точной стала констатация эстетической дефективности учебной картографии: «На незавидном уровне находится и внешний вид школьных карт: грубые шрифты, мутные, некрасивые краски... Ведь именно в учебных картах вопрос о том, что показано, слишком сильно зависит от того, как показано»⁴³.

Картографическая форма сознательно использовалась для структурирования и упорядочивания содержания, а границы между визуальным преобразованием и преобразенной реальностью стирались. Можно предположить, что именно возможность работать с образом реальности, управлять процессом его конструирования делала географическую наглядность столь привлекательной для власти.

В середине 1930-х годов на фотографиях, размещаемых в газетах и журналах, все чаще начинают появляться советские люди, выполняющие особую работу зрения. Ликующая публика на воздушном празднике в Тушине и сосредоточенные вожди на открытии канала Москва—Волга, сталевары-стахановцы и выпускники школы — все они смотрят далеко за пределы видимости, туда, где размещены главные референты советской идеологии. Но иногда объект этого подчеркнуто советского взгляда все же попадает в кадр — как правило, это панорама (новой Москвы, советского Баку, большой стройки) или географическая карта. Траекторию советского взгляда, опосредованного картой, исчерпывающе определил Н. Михайлов: «Сквозь штрихи карты сегодняшнего дня мы вглядываемся в свое будущее, в грядущий день коммунизма» [34]. Отказ от бессильных «умозрительных представлений» в пользу зрения и экстатического созерцания — выбор, отвечающий требованиям эпохи «вступления в период социализма», и, на наш взгляд, — одно из важнейших медийных оснований той трансформации, что претерпел советский проект в первой половине 1930-х годов. Переход от проектного конструирования советской утопии к утверждению реальности мечты, сбывающейся на глазах ликующих зрителей, обнаруживает многочисленные связи с пришедшимся на середину десятилетия визуальным ренессансом.

Размышляя о связи утопии и визуальности в СССР, мы остановились лишь на одном эпизоде из насыщенной визуальной истории

тени), соблюдение цветовой изменчивости теней по условиям воздушной перспективы в зависимости от высоты и расположения, отражение на карте цветовой изменчивости окраски природного ландшафта в зависимости от угла наклона солнечных лучей, если это допускается назначением карты, — учет эффекта воздушной перспективы...» [44. С. 64]. Сам новатор, работая над картой Карпат для Большого советского атласа мира, писал этюды, чтобы в точности передать особенности игры солнца на склонах гор. Тот факт, что картографические произведения этого новатора не были включены в БСАМ, позволяет уточнить понятие реализма в советском дискурсе о карте. В отличие от «картографического натурализма», «ограниченного лишь внешним правдоподобием, фотографическим изображением отдельных сторон действительности», картографический реализм предполагает типизацию, обобщение и отображение картографируемых объектов и явлений в их взаимосвязи. См.: [24. С. 27].

⁴³ Чему обязывает постановление о преподавании географии в школе // География в школе. 1934. № 2. С. 6.

сталинской эпохи — повороте к карте и политическом открытии картографической формы. Карта вовлекалась в конструирование политико-оптических режимов, нацеленных на визуализацию утопии. При этом сам утопический проект, обретая точные и наглядные доказательства своей локализации в пространстве, приближался к реальности, поиск которой, по мысли К. Манхейма, содержится в самой идее утопического [32. С. 86]. Здесь советский дискурс о карте выходил за пределы традиционных имперских и колониальных формул западной картографии. Советские карты не только позволяли устанавливать символический контроль над бескрайними просторами и демонстрировать центростремительную мощь метрополии, но и указывали на превращение картографического пространства в место, где темпоральные ограничения, к которым столь чувствительна утопия, не действительны, а советский проект уже реализован.

Примечательно, что высокий дискурсивный статус карты, приписанный ей в первой половине 1930-х годов, сохранялся на протяжении всей сталинской эпохи. Все эти годы за картой признавалось исключительное право на полноту и истинность репрезентаций географических знаний, она рассматривалась как квинтэссенция географической специфики и оставалась фундаментом географического образования. Кризис картографического оптимизма наметился в первой половине 1950-х. Л.А. Богомолов выступил с критическим разбором «тотальной» картографии и указал на ограничения картографического метода в научном исследовании: «Часто считают, что графически можно представить любое географическое явление. Такой взгляд на карту нельзя признать правильным. Картографическое изображение природных явлений имеет свои пределы и некоторые явления совершенно нельзя изобразить на карте» [7. С. 96]. Это фактически означало отказ от гегемонии карты: «Карта по своей природе не в состоянии дать полную географическую характеристику местности и показать явления в процессе их развития» [7. С. 101]. Сходные стратегические изменения произошли и в области школьной географии. Еще в 1947 г. Н.Ф. Куразов обозначил две принципиально разные стратегии преподавания этой дисциплины: «Метод обучения на основе непосредственного восприятия и метод обучения на основе символически-опосредованного восприятия» [27. С. 56]. В начале 1950-х советские педагоги путешествие по родному краю уже ценят значительно выше воображаемого путешествия по карте Родины. Чем-то само собой разумеющимся становится утверждение, прямо противоположное картографической установке уходящей эпохи: «Мир невозможно познать только по картам и рассказам учителя» [9]. Активное развитие туризма и краеведения по-своему разрушает картографическую монополию на освоение пространства, а сама карта стремительно теряет свою убедительность и неоспоримую связь с перекраиваемой реальностью. Изменение качества советской реальности в очередной раз определило вектор политики в отношении карты.

Литература

---

1. Арбузова К. Работа с контурной картой // География в школе. 1941. № 2.
2. Баранский Н. Как научить ребят показывать страны и области на физической карте // География в школе. 1934. № 1.
3. Баранский Н.Н. Сдвиги в школьном преподавании географии // Известия АН СССР. Сер. «География и геофизика». 1938. № 4.
4. Баранский Н. Рецензия на экономическую карту Кировской области (1939) // Экономическая картография. Вып. 3. М., 1940.
5. Баранский Н.Н. Генерализация в картографии и в географическом описании // Ученые записки МГУ. М., 1947.
- 5а. Башлавина Г.И., Давыдов Г.Г., Колдаев П.К. Краткое руководство по оформлению карт. М., 1939. С. 15.
6. Башлавина Г.К., Рубинштейн С.К. Школьные карты за 30 лет советской власти // География в школе. 1947. № 4.
7. Богомолов Л.А. Соотношение карты и текста в географической характеристике территории // Вопросы географии и картографии. 1952. Вып. 34. М., 1954.
8. Буданов В.П. Методика преподавания физической географии. М., 1939.
9. Булин П.Е. Из опыта краеведческой работы // География в школе. 1951. № 2.
10. Виленкин А. Работа с географической картой в избечитальне. М.-Л., 1926.
11. Виленский Л.Р. Обзор учебной литературы по географии за период 1926—1931 гг. М., 1934.
12. Виноградов Н.В. Карты и атласы. М.-Л., 1941.
13. Wood D. The power of maps. N.Y., 1992.
14. Гаврилов В. Работа над картой // География в школе. 1935. № 5.
15. Ефимов П. П. Рабочая тетрадь по географии. М., 1931.
16. Загарин П. Бдительность учителя географии // География в школе. 1937. № 6.
17. Заруцкая И.П. О методах изображения рельефа на гипсометрической карте СССР // Вопросы географии. Вып. 11. М., 1949.
18. Заславский И.И. Карта на уроках географии. М., 1951.
19. Зиман Л. Подойдите к карте // Комсомольская правда. 1934. № 202.
20. Каганский В.Л. Советский ландшафт // Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: НЛО, 2001.
21. Карась А.И. Работа с картой по теме «Общий обзор СССР» // Учителя географии о своей работе. М., 1953.
22. Кишкинцев В. Карта во дворе // География в школе. 1935. № 6.
23. Комков А.М. Успехи советской картографии за 30 лет // Вопросы географии. Картография. Вып. 11. М., 1949.
24. Комков А.М. Вопрос усовершенствования советских общегеографических карт // Вопросы географии. Картография. Вып. 22. М., 1950.
25. Костриц И.Б., Иванов С.И. Картография. М., 1958.
26. Кремпольский В.Ф. История развития картоиздания в России и в СССР. М., 1959.
27. Куразов Н.Ф. Два основных метода преподавания географии // География в школе. 1947. № 1.
28. Куразов Н.Ф. Методика преподавания географии. Пособие для учителей. М., 1950.
29. Курский А. Посмотрите на карту СССР // Комсомольская правда. 1934. 26 янв.

30. *Лебедев И.К.* Что такое географическая карта? М.-Л., 1926.
31. *McCaпnon J.* Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932—1939. N.Y.: Oxford UP, 1998.
32. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994.
33. *Михайлов Н.* Твоя Родина. М., 1950.
34. *Михайлов Н.* Над картой Родины. М., 1950.
35. *Mottolnier M.* How to Lie with Map. N.Y., 1996.
36. *Назаров В.Н.* Методы и изобразительные средства в картографии. М., 1962.
37. *Орлова Г.* Овладеть пространством: физическая география в советской школе (1930—1960-е гг.) // ВИЕТ. 2004. № 5.
38. *Перцик Е.Н., Баранский Н.Н.* // Экономическая и социальная география в Московском университете на рубеже веков (www.ecoross.ru).
39. *Поплавский В.* Как научить ребят показывать страны и области на физической карте? // География в школе. 1934. № 1.
40. *Postnikov A.* Maps for ordinary consumers versus maps for the military: double standards of map accuracy in Soviet cartography, 1917—1991.
41. *Рауш В.* Образовательное и воспитательное значение похода «Челюскина» // География в школе. 1934. № 2.
42. *Семенов-Тянь-Шанский В.А.* Суша и моря СССР. Пособие для учителя. М., 1937.
43. *Сементковский В.И.* Конкретизация пространственных представлений в ходе работы на уроках географии в средней школе // География в школе. 1949. № 3.
44. *Скворцов П.А.* О применении в картографии принципов живописи // Вопросы географии. Вып. 22. 1950.
45. *Троцкий Л.* Ленинизм и библиотечная работа // Троцкий Л. Проблемы культуры. Культура переходного периода. Т.21. М.-Л., 1927.
46. *Хавкин О.* Всегда вместе. М., 1940.
47. *Harley J.B.* The New Nature of Maps. Essays in the History of Cartography. The Johns Hopkins University Press. 2001.
48. *Цветков М.А.* Картографическое дело в СССР. М.-Л., 1933.
49. *Шкловский В.* Волга пришла в Москву // Наша страна. 1937. № 2.